

Евгений Абдуллаев

Средневековые глобализации

В начале сентября в Алма-Ате прошел Первый международный форум писателей. Большой, организованный с размахом. Тема тоже не маленькая. «Роль современной литературы в изменяющемся мире».

В первый же день форума возникла примечательная дискуссия между поэтом Алексеем Цветковым и критиком, редактором «Знамени» Сергеем Чуприниным.

Несогласие Чупринина вызвала реплика Цветкова, который назвал себя в своем выступлении американским поэтом (поскольку большую часть жизни прожил в США). Чупринин напомнил, что писатель принадлежит той литературе, на языке которой пишет.

Тема «сдетонировала», на нее отреагировало еще несколько выступавших. Приводились примеры — авторов, пишущих на чужом (неродном) языке среди «своих» и на своем языке — среди «чужих»...

Мне эта дискуссия напомнила известную заметку Довлатова «Литература продолжается». О конференции «Русская литература в эмиграции: третья волна» в Лос-Анджелесе, май 1981 года. В заметке, кстати, тоже несколько раз был упомянут Алексей Цветков (тогда — недавно эмигрировавший из Союза). Но довлатовский сюжет был связан не с ним, а с Лимоновым. Прочитую.

«Эдуард Лимонов спокойно заявил, что не хочет быть русским писателем.

Мне кажется, это его личное дело.

Но все почему-то страшно обиделись. Почти каждый из выступавших третировал Лимонова. ... Как будто «русский писатель» — высочайшее моральное достижение. А человек, пренебрегший этим званием, — сатана и монстр».

Поиронизировав над оппонентами Лимонова, Довлатов пишет: «Лимонов, конечно, русский писатель». И приводит тот же аргумент, что и Чупринин. «Национальность писателя определяет язык. Язык, на котором он пишет. Иначе все страшно запутывается».

Почти сорок лет назад, когда это писалось, это действительно было так. Пишешь на русском — русский писатель. На немецком — немецкий; и так далее.

Сегодня мы живем в ситуации, когда всё именно что «страшно запутывается». И чем дальше, тем больше.

Прежде чем попытаться ответить, почему это происходит — еще несколько слов об алмаатинском форуме, чтобы стал яснее контекст.

Организатором форума выступил казахский пен-клуб, возглавляемый журналистом и политиком Бигельды Габдуллиным; участники — почти со всего мира: «пеновские» активисты, переводчики, писатели... Тема для дискуссий: соотношении «глобального»

и «национального». Поглотит глобализация литературу малых народов? Или наоборот — делает национальные литературы более доступными?

Форум проходил 10-11 сентября, что тоже как-то символично. Да еще гостиница «Рахат Палас» (место проведения всего этого действия) расположена аккурат рядом с бизнес-комплексом «Алматы Тауэрс» — двумя уменьшенными копиями нью-йоркских башен... Немое напоминание.

Можно, конечно, заметить, что споры о глобализации уже лет пятнадцать, как вышли в тираж. Где-то в конце 90-х — самом начале 2000-х — да, живая была тема, и слово еще не затерлось. После знаменитого нью-йоркского теракта, и особенно с началом нового российско-американского противостояния с середины нулевых, стало очевидным, что глобализация утратила прежний импульс. Хотя и не закончилась. Просто стала вялотекущей, рутинной. Завершилась пора ее бурного цветения, поспели и «ягодки». О них и разговор.

Национальные литературы, разумеется, не исчезли. Но постепенно «обанглюязычиваются». Писание на родном языке все больше обрекает автора на локальную, «провинциальную», по мировым меркам, известность. Шанс быть переведенным на английский и изданным в приличном американском или английском издательстве — минимален (если ты не нобелевский лауреат или около того). Доля переводных книг среди выпускаемого худлита в США — около трех процентов, в Великобритании — где-то три с половиной. В то время как почти половины мирового книжного рынка сегодня приходится на англоязычные страны (35 процентов дают США и Великобритания, добавим еще Канаду, Австралию, отчасти Индию...). Российский книжный рынок уступает даже индийскому, входя в 7 процентов «прочих стран», с чем себя и поздравим.

Результат: более молодые поколения авторов начинают сразу писать на английском. И не только представители «малых литератур». Уже и немецкие, испаноязычные, франкоязычные, арабоязычные авторы...

До России это пока не дошло — пока еще русскую литературу делают поколения, выросшие на советской «религии русской литературы». Фигуры, вроде Игоря Елисеева, пишущего и публикующегося на английском (дебютный роман «One-Two», вышедший в 2016-м), пока экзотичны. Хотя вектор налицо, и через пару поколений, а может и раньше, «елисеевы» станут реальностью. Я говорю именно о писателях, живущих в России: в эмиграции это, по понятным причинам, идет уже давно. Хотя затмить в этом Набокова пока никому не удалось.

Эра «государств-наций» (nation-states) завершилась, а вместе с ней — и понятие национальной литературы, со всеми вытекающими. В том числе — с однозначной идентичностью писателей: «на каком языке пишешь — к той литературе и принадлежишь».

Позволю себе немного потеоретизировать.

Понятие национальной литературы существовало, понятно, не всегда. Якопоне да Тоди, автор знаменитого гимна «Stabat Mater», сочинял, как и было принято в тринадцатом веке, на латыни. Был ли он латинским поэтом? Были ли латинскими поэтами стихотворцы-ваганты?.. Раннесредневековые японские поэты (многие) писали на китайском — стоит ли их считать китайскими поэтами? Каким поэтом был Мир Алишер, писавший и на персидском (под псевдонимом Фани), и на чагатайском диалекте тюркского (и подписывался — Навои)? Персидским? Узбекским?

Никаким — с точки зрения национально-литературной идентичности. Понятия о которой тогда еще никто не имел.

В Новое время — особенно с девятнадцатого века — на смену прежним монархиям приходит национальное государство. «Один народ — одна территория — один язык». И, соответственно, — «одна литература». Которая становится частью — притом важнейшей — национального проекта. Особенно в многонациональных

империях — Великобритании, Франции, России. Именно художественная литература, созданная на языке «государство-образующего» (точнее «империо-образующего») этноса была мощным фактором культурной интеграции. Она объединяла сложно стыкующиеся фрагменты прежнего феодального порядка в единый имперский «сверх-этнос». Поверх религиозных, национальных и социальных и прочих перегородок.

Где-то с восьмидесятых понятие «государства-нации» стало медленно сползать со сцены. Последним его «залпом» стало бурное нациостроительство после распада СССР и социалистического блока. Но и оно уже не дало всплеска национальных литератур — за некоторым, возможно, исключением Сербии и Украины...

Дело даже не в том, что место культурного и национального «интегратора» занял телевизор. Изменились сами элиты. Не только граждане национальных государств сегодня слабее «привязаны» к своей стране, языку, культуре, чем это было лет сорок-пятьдесят назад. Политические элиты нового, глобализационного, образца тоже более «свободны» от своих народов. По сути, они уже давно над-национальны и вне-национальны. Их реальное «отечество» — в тех странах, где они хранят свои скромные сбережения, куда они отправляют учиться своих детей и где предпочитают отдыхать. Они могут использовать прежнюю «нацио-государственную» риторику, и порой даже очень активно. Но — все больше как дань угасающей традиции. Они типологически ближе к средневековой аристократии, более связанной — родовыми, политическими и культурными нитями — с аристократией соседних государств, чем с собственным народом.

Известный немецкий социолог и политический мыслитель Ульрих Бек так собственно и назвал глобализацию — «новое Средневековье».

Какое место занимает национальная литература в этом новом, глобализационном Средневековье?

Приблизительно такое же, как и национальная наука, национальное образование, и множество прочих вещей, чей статус казался когда-то самоочевидным. Все это, в какой-то — сильно редуцированной — степени сохранится. Но уже не как часть «национального» — и тем более «сверх-национального», имперского проекта. А как необременительный род досуга — каковыми литература, наука и образование и были в Средневековье...

Отсюда, собственно, и та печаль, которая ощущалась на алмаатинском форуме, едва речь заходила о глобализации. О том, что ждет литературу в обозримом будущем. Нет, было немало сказано и о «духовной миссии» литературы... И в призывах «воплощать художественную правду о нашем времени» тоже недостатка не было. Но во время дискуссий вспомнилось название известного романа Януша Вишневского — еще одного участника Форума. «Одиночество в сети». Одиночество, непристроенность серьезной литературы в сетях глобализованного мира.

В этом, разумеется, есть повод не только для печали.

Литература Средневековья — европейского, мусульманского, дальневосточного... — была тоже по-своему замечательной. Да, более стилистически консервативной. Менее вовлеченной в социальные процессы. И доступной, как правило, лишь для незначительного слоя интеллектуалов. Но, возможно, это не самая худшая перспектива, если принять ее как «осознанную необходимость». К тому же зигзаги исторического развития непредсказуемы — нельзя исключить (хотя бы в виде смелой футурологической мечты), что литература снова станет частью какого-то проекта. Но уже не национального и сверх-национального, а глобального...